

Кузина И. Л.
I. L. Kuzina

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 30-е гг.

IDEOLOGICAL EDUCATION OF YOUNGER GENERATIONS IN THE SOVIET FAR EAST IN 1930-IES.

Кузина Ирина Львовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, Ленина, 27; 8-914-179-6393. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru.

Ms. Irina L. Kuzina – PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St.; 8-914-179-6393. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрена система идеологического воспитания молодежи, сложившаяся на Дальнем Востоке в 30-е гг. Выявляются средства идеологического воздействия на сознание молодых людей. Проанализировано состояние антирелигиозной пропаганды. Дана оценка эффективности идеологического воздействия на сознание и мировоззрение молодого поколения.

Summary. The article presents a review of the system of ideological education of youth that formed itself in the Soviet Far East in 1930-ies. Described are the instruments of ideological influence on young minds. The anti-religious propaganda is analyzed and the effectiveness of ideological influence on the minds and outlook of younger generations is evaluated.

Ключевые слова: идейное воспитание, антирелигиозная пропаганда, марксизм-ленинизм, советская пропаганда, советский Дальний Восток в 30-е гг., советская молодежь.

Key words: ideological education, anti-religious propaganda, Marxism-Leninism, Soviet propaganda, the Soviet Far East in 1930-ies, Soviet youth.

УДК 94(571.6):316.34

Идеологические факторы были призваны сыграть решающую роль в усвоении молодыми рабочими необходимых для советского государства социальных стереотипов и стандартов, образцов ролевого поведения, ценностей и норм.

Была развернута сеть школ и кружков по идейно-политическому воспитанию молодых людей. Организовывались кружки по изучению истории ВКП(б), политэкономии, ленинизма, текущей политики. Партийным и комсомольским организациям предписано было следить за проведением бесед, лекций, чтотков по идейно-политическим вопросам.

Особое значение отводилось изучению истории ВКП(б). С выходом «Краткого курса ВКП(б)» в 1938 г. эта задача значительно упрощалась. Ранее существовавшие учебники по истории партии было предписано изъять, чтобы избежать различия оценок и комментариев исторических фактов и утвердить единственную концепцию истории ВКП(б). Официально признанный учебник, в написании которого принял участие сам И. В. Сталин, был поставлен вне конкуренции с остальными учебными пособиями по общественным дисциплинам. Изучение истории ВКП(б) по «Краткому курсу» было положено в основу всей работы по идеологически-политическому вооружению коммунистов, комсомольцев, сочувствующих, всех трудящихся, воспитанию молодых кадров до конца преданными партии, способными организовывать массы на «борьбу за победу коммунизма». Освоение учебника объявлялось обязанностью и основным партийным долгом коммуниста и комсомольца.

Кузина И. Л.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 30-е гг.

И. В. Сталин подчеркнул особую значимость выхода «Краткого курса» в связи со слабостью теоретической подготовкой пропагандистов, основной задачей которых было идеологическое воспитание [4, 7].

Далькрайком партии и комсомола направлял деятельность своих низовых организаций по идейному воспитанию молодежи. В принимавшихся многочисленных постановлениях для воспитания масс предлагались различные мероприятия: проведение чток газет, политбесед, политинформации. При работе с каждым кандидатом партии и сочувствующим основное внимание обращалось на повышение их идейно-политического уровня, вовлечение их в общественную работу, оказание в их работе повседневной помощи. Рекомендовалось устанавливать контроль за посещаемостью занятий, за подготовкой к ним и проработкой материала, следить за всемерным повышением бдительности каждого коммуниста и комсомольца, а также направлять массовую политическую работу среди рабочих на разворачивание социалистического соревнования и стахановского движения.

Однако, как свидетельствуют документы архивов, далеко не всегда пропагандистская и идейно-воспитательная работа носила тотальный и вездесущий характер. В политшколах и кружках существовали такие же проблемы, как в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях Дальнего Востока: отсутствие преподавателей, учебных пособий, пригодных для занятий помещений. Среди пропагандистов, которые должны были нести «в массу живое слово большевизма» и «непосредственно работать над формированием коммунистического мировоззрения у молодежи» (см. прим. 1), был достаточно высок процент малообразованных людей. На Дальпромстрое в составе пропагандистов имели высшее образование 29 %, среднее – 29 %, семилетку – 8,6 % и низшее – 33,4 %. При этом 31,9 % имели стаж на пропагандистской работе меньше одного года, 25 % – два года и далее по убывающей (см. прим. 2). По Уссурийской и Приморской областям из 700 пропагандистов – 300 имели начальное образование. Преобладающее большинство пропагандистов не имели специального политического образования (см. прим. 3). В недоумение слушателей школ и кружков приводили высказывания и вопросы некоторых пропагандистов вроде: «Какое ваше мировоззрение на мировую революцию?» (см. прим. 4).

В Комсомольске-на-Амуре были организованы политшколы и кружки с охватом 1740 чел. на 1 декабря 1934 г. Летом 1935 г. сетью политобразования было охвачено уже 2866 чел. комсомольцев и 193 чел. несоюзной молодежи. Однако посещаемость комсомольцами занятий за июнь составила 73 %, в августе – снизилась до 51 %, а в отдельных кружках посещаемость доходила до 40–45 % (см. прим. 5).

Среди средств, применявшихся в целях образования и политического воспитания населения, первостепенная роль всегда принадлежала печатному слову. Это совершенно ясно осознавало советское руководство. «Печать – единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ей языке. Других средств протянуть духовные нити между партией и классом, другого такого гибкого аппарата в природе не имеется», – учил И. В. Сталин [2; 3]. В связи с этим борьба за ликвидацию неграмотности приобретала для большевиков особую значимость. Дело образования проходило в неразрывном сочетании с пропагандой и агитацией. Для дальневосточной молодежи в первую очередь предназначалась «Комсомольская правда», а также краевые молодежные газеты «Тихоокеанский комсомолец», «Набат молодежи» и ряд местных газет. Для них был характерен язык лозунгов. Каждая статья, несущая какую-либо информацию, предварялась двумя или тремя заголовками с большим количеством восклицательных знаков. Отсутствовали полемические статьи и статьи-рассуждения. Все публикации носили бодро утверждающий характер, четко расставлялись акценты, объясняя, где белое, где черное и устанавливались правила поведения в условиях советской действительности. Однако на Дальнем Востоке возникали проблемы и с этим массовым видом воздействия на население. Многочисленные документы свидетельствуют, что на многие стройки и предприятия, не говоря уже о колхозах и деревнях, газеты не поступали или поступали в малом количестве.

Также обстояло дело и с литературой, которая должна была идеологически воспитывать молодое поколение в духе ценностей социализма. В письме из Ольско-Сеймчанского района жаловались: «О решениях IX съезда ВЛКСМ и V Дальневосточной краевой конференции мы абсолютно ничего не знали до сих пор, т.к. не было и почти нет в данный момент никаких материалов IX съезда и V краевой конференции. До сих пор не только краевыми организациями, но и центральными на наш район не обращалось должного внимания. Советизация в районе еще не закончена, есть такие места, где у власти находится «наместник его императорского величества»» (см. прим. 6). И таких глухих мест в крае было немало.

Особое значение в идейно-политическом воспитании молодежи, конечно, отводилось комсомольской организации. Комсомол обязан был следить за «чистотой» своих рядов и воспитывать подходящий резерв коммунистической партии. «Правилом поведения каждой комсомольской организации, каждого руководящего работника комсомола должна стать борьба за коммунистическое воспитание каждого молодого юноши и девушки и воспитания в них марксистско-ленинского мировоззрения» (см. прим. 7) – указывалось в документах ЦК ВЛКСМ. Однако уровень образования большинства комсомольских работников на протяжении 30-х гг. оставался достаточно низким.

В результате проверки областными комитетами ВЛКСМ (Амурским, Уссурийским, Приморским, Хабаровским, Еврейским, Зейским и Сахалинским) секретарей первичных комсомольских организаций выяснили крайне низкий уровень грамотности большинства из них и их крайне слабое культурное развитие. Большинство проверенных комсомольских низовых организаций не проводили никакой политической и культурно-просветительской работы. Практически отсутствовала политическая учеба, и даже комсомольские собрания проходили от случая к случаю, так что перерывы между ними достигали полугода. В ходе проведенной проверки было сменено большинство секретарей первичных комсомольских организаций по причинам бездеятельности, нежелания работать и развала организаций (см. прим. 8).

Проверки о деятельности комсомольской и партийной организаций на местах часто выявляли крайне низкий уровень проводимой работы. В процессе проверки работы на заводе № 126 г. Комсомольска было выяснено, что никакой партийной работы с рабочими и их семьями не велось. Политзанятия, доклады на политтемы и беседы не проводились. Рабочие не читали газет. Агитационно-массовая работа отсутствовала. Из 28 агитаторов работали только 8 (см. прим. 9).

В адрес Далькрайкома комсомола приходили жалобы от наиболее активных комсомольских работников, недовольных плохо организованной работой. Мобилизованный ЦК ВЛКСМ на пропагандистскую работу в край (Спасский район) докладывал секретарю ДКК ВЛКСМ: «Прибыл я в Спасский район 10 июля 1931 г. По приезде на место работы я встретил ряд препятствий в моей работе, во-первых, я столкнулся с безобразным явлением «чтобы я большие темпы работы не брал». Это, конечно, меня очень заинтересовало. Работа в ячейках ведется самотеком, лицо комсомола плохо видно в ячейках. Но кое-как я разузнал, как идут дела в ячейках по политминимуму. По прекрасным разговорам в райкоме мне рассказали дела на большой палец, но ячейки при проверке показали обратное, еще нигде не проводилась массовая разъяснительная работа и решения ЦК и ДКК конкретно не были поставлены перед каждым комсомольцем» (см. прим. 10).

Подтверждение слабой идеологической работы содержат партийные документы второй половины 30-х гг.: «Фронт идеологической, культурной, партийной, воспитательной работы остается у нас в Дальневосточной парторганизации самым заброшенным», – отмечалось в отчете Далькрайкома XII краевой партконференции (май–июнь 1937 г.) (см. прим. 11).

Такое важное направление идеологического воспитания советской молодежи, как антирелигиозная пропаганда в 30-е гг. также отличалась слабой организованностью. Религия представлялась главным соперником коммунистической идеологии в деле влияния на умы и помыслы молодых людей. Целью советской системы была замена религиозных ценностей на большевистские. Учение марксизма-ленинизма должно было вытеснить из духовной жизни

Кузина И. Л.

**ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ
НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 30-е гг.**

религиозные представления и занять место религии как основного компонента культуры и мировоззрения. Первый нарком просвещения Советского государства А. В. Луначарский в статье «Об антирелигиозной пропаганде» (1919 г.) отмечал, что «пропаганда основ научного социализма приводит неминуемо к антирелигиозной пропаганде» [1, 100].

На протяжении 30-х гг. дальневосточные власти неоднократно обращались к проблеме антирелигиозной работы в крае. Секретариат Далькрайкома ВКП(б) в резолюции от 19 декабря 1930 г. «О состоянии безбожной работы» отмечал явно неудовлетворительную работу районных парторганизаций по антирелигиозной пропаганде. Материалы обследования состояния антирелигиозного движения в крае показывали, что на фоне оживления деятельности религиозных общин наблюдалось почти повсеместное ослабление работы безбожных организаций [3, 180]. В постановлении бюро Далькрайкома ВЛКСМ от 9 мая 1937 г. «Об антирелигиозной работе» отмечалась полная бездеятельность комсомольских организаций края в области антирелигиозной работы при значительном оживлении деятельности сектантов и церковников, особенно в Спасске, Ворошилове и Благовещенске. В ответ бюро ДКК обязало все обкомы, горкомы и райкомы ВЛКСМ обсудить на заседаниях бюро вопрос о состоянии антирелигиозной работы, провести широкие совещания актива по вопросам антирелигиозной и культурно-массовой работы среди молодежи, а также принять деятельное участие в возобновлении работы Союза воинствующих безбожников (СВБ), вовлечь в ряды союза широкие слои рабочей, крестьянской и учащейся молодежи. Кроме того, обязало лекторское бюро ДКК и обкомы ВЛКСМ организовать группы лекторов-антирелигиозников, а также провести цикл лекций на антирелигиозные и естественно-научные темы для молодежи и, отмечая совершенно малое количество антирелигиозной литературы на книжных полках магазинов и библиотек, отсутствие ее в ряде мест (например, в Ворошилове и на Сахалине), поставило вопрос перед крайоно об увеличении выписки антирелигиозной литературы для края (см. прим. 12).

Как отмечает Ю. Н. Бакаев в своем исследовании, посвященном проблеме взаимоотношений власти и религии и основанном на материалах Сибири и Дальнего Востока, для 30-х гг. была характерна слабость антирелигиозной работы в крае [1]. Планы, составляемые партийными властями по активизации антирелигиозного воспитания, оставались лишь на бумаге. Решением бюро крайкома ВКП(б) от 10 февраля 1934 г. краевой совет СВБ «за бездеятельность» был распущен. В марте 1934 г. бюро Далькрайкома партии утвердило новый состав крайсовета СВБ. Однако и этот состав бездействовал. В июне 1937 г. бюро Далькрайкома констатировало «полнейшую заброшенность антирелигиозной работы как в городе, так и в деревне» (см. прим. 13).

Ю. Н. Бакаев связывает спад антирелигиозного воспитания с изменением отношения многих практических работников к этой проблеме. Распространилось мнение, что с ликвидацией эксплуататорских классов, с устранением классовых корней религии отпадает необходимость активной и систематической научно-атеистической пропаганды. Требуется лишь закрывать культовые здания. Кроме того, с образованием на местах организаций СВБ некоторые партийные органы практически самоустранились от антирелигиозного просвещения, переложив его на плечи районных и городских отделов СВБ, значительная часть которых без должной партийной поддержки так и не приступила к работе. Сыграли роль аресты и репрессии работников СВБ, повлекшие постоянную смену его членов, что отражалось на эффективности антирелигиозной работы. Исследователь верно отмечает, что к началу 40-х гг. идейно-теоретический уровень пропаганды атеизма был чрезвычайно низок. «Типичным явлением стал подбор тех или иных цитат из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Отдельные их высказывания («религия – опиум народа») вырывались из контекста и использовались для того, чтобы декорировать чисто обличительные выпады против религии» [1, 134].

Сложившееся положение в антирелигиозном воспитании способствовало формированию у рабочей молодежи догматичного и схематизированного мировоззрения, опиравшегося

на некоторые лозунги марксизма-ленинизма и советской пропаганды, которое заменило религиозное мировоззрение.

Это также стало возможным благодаря маргинальному положению большинства молодых людей, попавших на предприятия и стройки Дальневосточного края. Молодые рабочие-переселенцы оказывались на Дальнем Востоке вне традиционного уклада жизни и патриархальности, свойственных деревне, и попадали в иной для них мир, требовавший отказа от традиционных представлений о мире. Так проходил этап десоциализации, молодые люди отказывались от религиозных представлений, однако привычные к религиозно-догматическому восприятию символов веры, они усваивали марксистско-ленинское учение как некую догму, не поднимаясь на уровень научного мировоззрения. Этому способствовал низкий уровень образования, обусловленный плохо отлаженной системой воспитания и образования.

Молодые люди были не в состоянии, да и не имели возможности приобщиться к принципам научного мировоззрения. Система марксистского мировоззрения воспринималась большинством на уровне отдельных лозунгов. Молодежи предлагались лишь схематичные и догматичные постулаты марксистско-ленинской идеологии. В условиях отдаленности и плохо организованной работы необходимая литература, содержащая даже схематизированное изложение марксистско-ленинской картины мира, поступала в край с большими перебоями.

Само положение идеологического воспитания не могло способствовать формированию богатого духовного мира и высокой культуры. Замена примитивной религиозности примитивным марксизмом не способствовала становлению научной картины мира у молодых людей и увеличению его духовного богатства. Десоциализация молодых людей в 30-е гг. зашла столь глубоко, что превратилась в разрушение ценностного мира, унаследованного от традиционной культуры, а в процессе ресоциализации полноценная компенсация утраченных ценностей, норм и ролей не обеспечивалась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакаев, Ю. Н. Власть и религия: история отношений (1917 – 1941) / Ю. Н. Бакаев. – Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2002. – 199 с.
2. Правда. – 1937. – 23 сентября.
3. Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск, 2001. – 400 с. (частная коллекция).
4. Сталин, И. В. Выступление на совещании пропагандистов и руководящих кадров по пропаганде Москвы и Ленинграда «По вопросам об изучении истории ВКП (б)», 27 сентября 1938 г. / И. В. Сталин // Вопросы истории. – 2003. – № 4. – С. 7.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 220. Л. 57.
2. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 220. Л. 68.
3. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 104. Л. 371.
4. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 220. Л. 69.
5. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 296. Л. 21.
6. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 269. Л. 56.
7. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 945. Л. 12.
8. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 317. Л. 19–20.
9. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 593. Л. 15.
10. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 269. Л. 6.
11. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 958. Л. 77.
12. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 312. Л. 127.
13. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 1140. Л. 8.